

Политическая философия

УДК-32

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

М.Ю. Мартынов, А.И.Габеркорн¹

Исследуется предметное поле политической философии. Выясняется соотношение политической философии и философии политики. Формулируется гипотеза о генезисе философского знания из политической философии. Указывается роль философии в обосновании концепции гражданского долга на этапе возникновения философии. На примере античной философии демонстрируется первичность политической проблематики в происхождении философской онтологии и гносеологии.

Ключевые слова: политическая философия; философия политики; политическая теория; политическая наука.

Размышляя в свое время о предназначении политической философии, один из ее основоположников, Лео Штраус, отмечал, что «кризис современности – это кризис современной политической философии» [10, 69]. И далее философ поясняет: «Кризис современности выражается или состоит в том, что современный западный человек больше не знает, чего он хочет, - он больше не верит в то, что может знать, что хорошо, а что плохо, что правильно, а что нет», то есть, если политическая философия оказывается на периферии науки и не выполняет свою функцию смыслового наполнения политических практик, то для ее современников это оборачивается ценностной дезориентацией [10, 69].

Еще одной задачей политической философии выступает универсализация политического знания. Предостерегая от рисков слепо следовать постулатам позитивизма и историцизма, Л.Штраус отмечал, что в этом случае, например, «... социальная наука подвергается опасности ошибочно принять особенности Соединенных Штатов середины XX в. или вообще западного общества за сущность человеческого общества» [10, 23–24].

¹ Мартынов Михаил Юрьевич - доктор политических наук, профессор, доцент, заведующий лабораторией социологических исследований Сургутского государственного университета. E-mail: martinov.mu@gmail.com.

Габеркорн Алена Игоревна - аспирант Сургутского государственного университета. E-mail: gab_alena@mail.ru.

Для российской политологии последнее замечание особенно важно, учитывая, что в период ее формирования в 1990-е гг. она была вынуждена, подчас некритично, пользоваться достижениями западной науки. Как писал Л.В.Сморгунов, «казалось странным, что радикальные изменения, происходившие в 1990-х гг., вообще не имели никакого *собственного* философского обоснования, кроме идеи кризиса коммунизма и замены его «концом истории» по Ф.Фукуяме. Получалось, что творцы изменений ... просто были воодушевлены декларированной где-то и кем-то идеей» [7, 5].

Тем более удивительно, что, несмотря на, казалось бы, очевидную актуальность философского осмысления современной политики исследований по политической философии на удивление немного. Здесь, в первую очередь, следует указать работы Б.Г.Капустина, обращавшего внимание на то, что основные категории политической науки – власть и насилие – это, в первую очередь, ключевые категории политической философии, поскольку иначе, то есть, оставаясь в рамках «научного» (инструментального) подхода, дать им исчерпывающее определение невозможно [5, 23]. Размышляя о роли метафизической составляющей в осмыслении основных категорий политической науки, исследователь приходит к выводу, что «поэтому неременной задачей политической философии является раскрытие форм и способов участия нравственного (а не только инструментального) разума в осуществлении разных видов политики» [4, 11].

Событием в научном мире стало появление книги Т.А.Алексеевой «Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения» [1]. В некотором смысле этот фундаментальный труд завершает предыдущие исследования автора.

В определении Т.А.Алексеевой, политическая философия «исследует фундаментальные основания политики...» [2, 123], с чем, вероятно, трудно не согласиться. Дискуссии начинаются с того момента, когда это предметное поле пытаются разделить политологи и философы, выясняя, где, собственно, заканчиваются вопросы политической теории и начинается философская проблематика. В этой дискуссии, ведущейся уже более столетия, и родилось разделение на политическую философию и философию политики.

Впервые различие между философией политики и политической философией провел Исайя Берлин (1909–1997). Под первой он понимал приложение философии к политической жизни, под второй – изучение фундаментальных оснований политики, саморефлексию в политике, внутреннее знание самой себя [2, 126]. По мнению Т.А.Алексеевой, политическая философия – это область политического знания и в большей мере входит в орбиту политических наук (понимая под прилагательным «политическое» все, что носит публичный характер, содержит целеполагание и контроль) [2, 127].

В политической философии усматриваются в этом случае лишь некие пролегомены к подлинной философии, призванные «объяснить, что суще-

ствуют вещи трансцендентные человеку, более высокие, чем те, с которыми ему приходится иметь дело в политике» [2, 125]. «Если политическая теория изучает способы организации власти, то политическая философия выполняет лишь некую промежуточную роль, находясь «между повседневной политикой и чем-то более высоким, - поисками смыслов, которыми занимается уже философия политики» [2, 126].

Занятая поисками этих «высоких смыслов», сама философия удаляется, тем самым, в «башню из слоновой кости», иногда снисходящую отсюда (например, в образе философии политики) для помощи другим – «низшим» - наукам, например, той же теории политики. Философия политики в этом случае представляется почти эзотерическим знанием, способным проникать в сущность политических явлений, якобы недоступных политической теории и политической философии: «Политика дает нам знание фактов, но не позволяет проникнуть в сущность идей и смыслов, и тогда на помощь приходит философия политики», – пишет Н.Т.Алексеева [2, 123].

Однако занятие философской рефлексией на «ограниченном участке» противоречит самому духу философии как способу мышления. Исследователь, решивший изучать власть, неизбежно должен придти к решению самих фундаментальных философских проблем, в том числе: какова природа мира; возможна ли в нем человеческая свобода; как соотносятся в человеческой деятельности объективные обстоятельства и субъективная воля; возможно ли использование зла для достижения добра; возможно ли в принципе создание научных теорий, в том числе объясняющих происхождение власти; как взаимосвязано общее и особенное в политической истории разных стран и народов; как соотносятся духовные и материальные факторы в политической деятельности т.д. В каком месте поиска ответов на эти вопросы следует остановить философскую рефлексю и разделить политическую философию и философию политики?

Снижение «уровня философичности» политической философии в пользу философии политики логично сопровождается ограничением участия политической философии в решении и этических проблем политического поведения людей, поскольку «политическая философия направлена на оценку институтов, а моральная философия – на оценку деятельности, поступков людей» [2, 139].

Как уже отмечалось, обоснование различения политической философии и философии политики, восходит к работам И.Берлина, полагавшего, что политическая философия – это та ветвь философии, которая близка к человеческой практике, к политической жизни, и политического философа интересует лишь практический результат, а философа политики, в первую очередь, заботит достижение истины, и он привязан только к ней. Политическая философия как наука приземленная изучает сущее, политическую реальность, а философия политики призвана описывать политический идеал. Однако здесь

нужно учитывать контекст исторического времени, в котором И. Берлин писал свои работы. Этим историческим фоном являлось разочарование от политической науки, оказавшейся неспособной противостоять антидемократическим практикам первой половины XX в., и зачастую, сводящуюся к манипулятивным технологиям и идеологическим спекуляциям – во второй половине века. Как отмечал Л.В. Сморгунов, «И. Берлин возрождение политической философии начал с критики политической науки, оказавшейся неспособной создать теорию практической значимости вне мировоззренческого, ценностного, философского поля» [7, 42]. Стремление отделить философию политики, описывающую нормативный идеал, от способов практического применения политической науки и заставило, вероятно, И. Берлина осуществить такое разделение. Однако сегодня подходить к наследию этого философа следует, как минимум, критически.

В том, что нет никакой необходимости «умножать сущности», нетрудно убедиться, сравнивая определения предметов политической философии и философии политики. Так, И.А. Василенко предлагает следующую трактовку политической философии: «Предметом политической философии является исследование универсалий мира политического, относящихся к наиболее общим мировоззренческим, ценностным и методологическим основаниям политической теории» [3, 5]. Т.А. Алексеева, со своей стороны, считает, что философия политики «исследует фундаментальные основания политики в самых разных ее проявлениях, стремится обнаружить, объяснить их связи, как между собой, так и с другими общественными явлениями и процессами» [2, 123]. Как видим, определения мало отличаются друг от друга, причем в данном случае трактовка политической философии, в известном смысле, даже более «философична», чем определение философии политики.

Таким образом, определение политической философии полностью «закрывает» изучение философских аспектов политики, не оставляя проблемных полей для т.н. «философии политики», а сами эти понятия, как представляется, – все-таки суть синонимы. Стремление же различить политическую философию и философию политики, похоже, вызвано не столько методологическими, сколько методическими причинами – стремлением «выделить» политологии некий ограниченный «участок» под названием «политическая философия», оградившись, тем самым, от попыток вторжения, собственно, в пределы философии (философии политики), как область «поисков более высоких смыслов».

Любой спор, в нашем случае – о том, нужна одна или две философские науки о политике, можно решить, обратившись к анализу генезиса объекта, являющегося предметом дискуссии. Действительно, каковы обстоятельства и логика возникновения философии и, соответственно, политической философии?

Казалось бы, логично полагать, что сначала возникает философия, а затем ее специальные отрасли, в том числе политическая философия. В частности, Т.А. Алексеева приводит мнение Л.Штрауса о том, что «как любовь к мудрости философия предшествовала политической философии, значительно более близкой к обычной политической жизни» [2, 40]. И возникает политическая философия лишь в работах Сократа, который «вернул философию с небес в город (полис), т.е. в политическое сообщество» [2, 40].

Между тем, на наш взгляд, дело обстоит с точностью до наоборот. Сначала возникает политическая философия. Точнее – философия в ее политической форме. И лишь затем развиваются прочие отрасли философии, включая онтологию, гносеологию, диалектику, как интеллектуальные инструменты, средства решения задач, стоящих перед философией политической. Да, помимо политической проблематики, философия занимается гносеологией, физикой, этикой и пр. Но все они вторичны, производны от своего ядра – политической философии. Выражаясь радикально, философия может существовать, только являясь политической.

Нагляднее всего эти политические корни прослеживаются в античной философии. Древнее общество – вообще удобная лаборатория для исследования развития общественного сознания. Поскольку оно очень простое в своей социальной структуре, то и его мировоззрение предстает в ясном, рафинированном виде, не замутненным идеологическими наслоениями, характерными для последующих более сложно организованных типов общественного устройства.

Античное общество в Древней Греции возникает в результате социально-политических реформ, берущих начало в реформах Солона-Клисфена (VI в. до н.э.). Их следствием стало образование свободного слоя людей, которых теперь нельзя было обращать в рабство. Граждане полисов – своего рода, «рабовладельческих ассоциаций», должны были не только держать в подчинении имеющихся рабов, но и за счет войн обеспечивать приток новых. Однако полисы не могли обладать ни сильным государственным аппаратом, ни профессиональной армией, как это было, к примеру, в современных им восточных деспотиях. Единственным условием не только их существования и процветания являлась внутренняя сплоченность, консолидация граждан, ибо «только при единомыслии могут быть совершаемы великие дела ...», как замечает Демокрит [6, 168]. Эта сплоченность обеспечивалась в политической сфере – равноправием, в экономической – микшированием резких имущественных различий, а в общественном сознании – воспитанием обязательности исполнения гражданского долга.

В космоцентристской модели греков само гражданское должествование было частью более общего – космического – миропорядка, в котором господствует принцип предопределенности. На эту идею гражданского долга как главной добродетели «работало» все греческое искусство. Долгое время

его вдохновляли, почерпнутые в мифологии, образы судьбы, фатума. Однако в VI в. до н.э. для обоснования традиции гражданского долга использование мифологической и религиозной аргументации оказалось недостаточным. Требовалось дополнить его рациональным, «научным» обоснованием.

Если гражданский долг (микрокосм) есть часть более общего принципа мироздания (макрокосма), то «научная» аргументация должна была опираться на рациональное, нерелигиозное объяснение того, что есть это «общее». Но ведь именно этот вопрос, что есть «общее», и является основным вопросом философии. И вытекал он из сугубо политической, идеологической потребности. Поэтому первый философский вопрос, с которого, собственно, начинается философия, родился как вопрос политической философии, как необходимость философского обоснования концепции гражданского долга.

Главное свойство Космоса – это гармония. Гармония – есть подчинение части целому. Так устроен Космос, но так устроен и полис, потому что его законы создаются не людьми, а отражают законы мироздания. И если главный закон Космоса – подчинение части целому, единичного – общему, то для полиса это звучит как подчинение интересов гражданина интересам государства.

Таким образом, греческая онтология и физика обязаны своим появлением не столько отвлеченному интеллектуальному поиску (любопытности - по Аристотелю), сколько вполне прозаической политической потребности – задаче теоретического обоснования превалирования общего над единичным.

Даже география рождения философского знания отражает степень политической потребности в нем. Милет, Эфес, Элея – все это греческие колонии, для граждан которых, находящихся в окружении «варваров», консолидация и внутреннее единство на основе исполнения гражданского долга и подчинения единичного общему – это условие выживания.

И не только география появления философии следовала политическим задачам, но и выбор субстанции, составляющей внутреннее единство явлений и предметов, вполне очевидно подчинялся политическим предпочтениям. Для демократов – это всегда субстанция материальная – вода, воздух, огонь Такая вещественность понятна простым людям - гончарам, плотникам, земледельцам - составляющим социальную основу греческой демократии. Понимание природы вещей дает право на участие в политическом управлении. Другое дело – аристократия. Ей надо доказать, что суть вещей не дана в их очевидности, и ею могут владеть лишь посвященные. Отсюда – мистицизм и эзотеризм в учении пифагореизма. Философия идеализма стала теоретическим обоснованием претензий аристократии на политическое управление.

Уязвимым местом материализма, апеллирующего к здравому смыслу, была сложность объяснения трансформации материи, ее перехода, перево-

площения из стихий в предметы реального мира. Элеаты достаточно наглядно и даже насмешливо показали несостоятельность потуг обыденного сознания на объяснение феномена движения. Их философия стала серьезной заявкой на первенство аристократии в интеллектуальной, а значит, – и в политической жизни. Поэтому появление не только онтологии, но и диалектики явилось продолжением политической борьбы в категориях философии. Считать, что диалектические идеи Гераклита были результатом глубокомысленного наблюдения за течением реки, значит не замечать сути фундаментального переворота, совершенного им в философии, обозначившего возможность трансформации субстанции и спасавшего, тем самым, материализм как философское направление и мировоззренческую основу греческой демократии.

Появление признаков кризиса полиса в V в. до н.э. вызвало к жизни ортодоксальное философское учение, наиболее радикально решившее проблему обоснования концепции гражданского долга средствами онтологии и физики. Опираясь на атомистическую физическую картину мира, Демокрит формулирует идеи жесткого детерминизма, не оставляющего места личной свободе, а значит, – сомнениям в необходимости исполнения гражданского долга.

Столь же очевидно, что в основе учения софистов лежит проблема сугубо политической философии относительно возможности свободы человека в полисе. Уход софистов от проблематики натурфилософии был обязан отнюдь не вдруг пробудившемуся интересу к внутреннему миру человека, как подчас считают, а куда более важным и политически ангажированным целям. Кризис полиса, в силу углублявшейся имущественной дифференциации и сокращение поля общего интереса, должен был вызвать критику концепции гражданского долга. Основу этой критики составило доказательство земного, человеческого, а не космического происхождения законов полиса и необходимости следования им. Но для этого необходимо было решить более общую философскую проблему – доказать фиктивность, спекулятивность «общего», что и составило содержание софистических учений.

Политические смыслы философских текстов Сократа, Платона, Аристотеля, которых Л.Штраус относит к классикам политической философии, вообще не вызывают сомнения, поэтому на этом даже нет необходимости останавливаться. Нашей задачей было лишь показать, что политическая философия появляется задолго до Сократа, и более того, – сама философия возникает именно как политическая.

Эту закономерность можно проследить и на последующих этапах развития философского знания с той лишь разницей, что политико-философская проблематика переключивается из онтологической в большей мере в гносеологическую сферу. Просто на примере древнегреческой философии, как уже

отмечалось, данная закономерность предстает в наиболее рафинированном виде.

Любопытно, что сегодня в учебниках по философии про социальные предпосылки возникновения философии говорится крайне мало, а политические игнорируются вообще. В результате, происхождение философии излагается как результат интеллектуального подвижничества основоположников философии, благодаря которым народы разрешают возникающие противоречия и движутся по ступеням цивилизации. Сами эти философы предстают этакими пророками, ведущими остальных за руку по этим ступеням, вполне в гегелевском духе восхождения «мирового разума».

Так, авторы указывают на способность философов возвыситься над повседневным жизненным опытом людей, и «эта специфика философии проливает известный свет и на вопрос о том, почему и когда философия возникает. В самом деле, размышлять над тем, что в повседневном обиходе кажется само собой понятным, — значит усомниться в правомерности и достаточности повседневного подхода к вещам. А это, в свою очередь, означает сомнение в общепринятом, в традиционном типе знания и поведения. Когда и почему такое сомнение становится возможным? ... Тут и появляется потребность различения того, что общепринято (мнение), и того, что истинно на самом деле (знание). Это различие рождается вместе с философией, и неудивительно, что философия с самого начала выступает как критика обычая, обыденного сознания, традиционных ценностей и норм нравственности» [9, 24].

Вообще-то для философии Древнего мира, в том числе для античной философии, никогда не было свойственно стремление к ниспровержению обычаев и традиций. Эта философия, действительно предлагает иной - немифологический - способ видения мира. Но он становится лишь иным средством, способом спасти и сохранить прежние порядки, традиционную систему ценностей и сложившиеся нормы нравственности. Именно это стремление вернуться к традиционным, исходным смыслам, сохранив, тем самым, скользящее в бездну общество, является лейтмотивом работ классиков древнегреческой философии.

Философию иногда сравнивают с королем Лиром, имея в виду то, как в свое время покидали ее лоно обретающие самостоятельность, науки. Но, пожалуй, эта метафора в большей мере сегодня относится к политической философии. Возвращенная ею философская наука не просто покинула ее, но объявила своей падчерицей, заявив, что сначала появилась именно она, а уже затем, в качестве одной из рядовых отраслей философского знания – политическая философия.

Но, если говорить серьезно, то отсутствие интереса к проблематике политической философии негативно сказывается на состоянии обществознания, в первую очередь, - на политической теории. Накопленные политической наукой эмпирические данные требуют теоретического обобщения. То, что

мы сегодня относим к политической теории, в значительной мере представляет собой описание достаточно частных случаев интерпретации этих данных, по необходимости возведенных в ранг обобщающего знания. Вот почему риски историцизма, в худшем значении этого слова, о которых предупреждал Л.Штраус, по-прежнему актуальны. Именно поэтому, вероятно, столь скромно выглядят прогностические возможности, предоставляемые сегодня политической теорией.

Не говоря уже о том, что сами эти теории имеют вполне отчетливый импортный отпечаток, в результате чего за последние годы «были широко введены в научный оборот новые категории и понятия, которые отражали, несмотря на свою так называемую универсальность, в первую очередь социокультурную реальность западных стран. Другими словами, вновь введенные понятия описывали совершенно иной вид реальности, и однозначно не российской» [8, 120].

Наверное, здесь можно было рассчитывать на внимание к этим проблемам и со стороны философской науки, но, к сожалению, как показывает анализ публикаций, этот интерес пока что небольшой. Кстати, навязчивое стремление философии обозначить свое предназначение как служение некоей более высокой и отвлеченной истине, мало связанной с житейскими проблемами, и ей самой служит плохую службу. Представление о философии как области сугубо абстрактных размышлений, не имеющей непосредственного практического применения, вероятно, и привело к тому, что философия, являющаяся важнейшей мировоззренческой наукой, сегодня оказалась, например, изгнанной из преподавания в российских школах.

Происхождение основных отраслей философского знания из проблематики политической философии, на наш взгляд, дезавуирует попытки конструирования дополнительной науки в лице философии политики. Политическая философия, выступая самостоятельной дисциплиной, обладает всеми эвристическими возможностями, позволяющими решать методологические проблемы политической теории. Предметное поле и проблематику политической философии, в соответствии с классической структурой философского знания, можно, вероятно, разделить на три группы.

Во-первых, онтологические проблемы. Фундаментальными вопросами здесь выступают: решение вопроса о возможности и границах свободы и свободы воли в политической сфере, о соотношении объективного и субъективного, необходимости и случайности в политической деятельности. С этими вопросами непосредственно связана тематика политического выбора и политической ответственности. Соответственно, эта же проблематика продолжается в политической этике, в решении проблемы о соотношении в политике добра и зла (насилия), целей и средств.

Во-вторых, гносеологические проблемы политической философии. Центральный вопрос здесь – о возможностях, инструментах и границах

нашего познания политического мира. В какой мере мы в этом познании должны ограничиться позитивистским набором верифицируемых эмпирических фактов, а в какой - можем претендовать на создание концептуальных обобщений и формулирование закономерностей, описывающих политическую реальность? Что представляет собой политический идеал, в какой мере он - плод человеческого воображения, а в какой – отражение политической реальности, и в каком смысле следует говорить о возможности его достижения?

В-третьих, философские проблемы развития политической реальности. Основным вопросом здесь предстает проблема смысла политики, как особой формы реальности. Какова цель политического бытия, политической деятельности? Каковы источники, механизмы, направление развития политической реальности? В чем смысл политического лидерства и предназначения элиты? Как процессы глобализации отражаются на механизмах политического развития в современном мире?

Конечно, это далеко не полный перечень проблем политической философии. Но решение этих и других проблем во многом будет определяться взаимодействием философии и политической науки в предметном поле политической философии.

Библиографический список

1. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения: учеб. пособие для вузов. М., 2015. 623 с. [Alekseeva T.A. *The modern political thought (20th – 21st centuries): political theory and international relations*. Moscow, 2015. 623 p.].

2. Алексеева Т.А. Что такое политическая философия. Статья первая // Полития. 2003. № 3. С.119–157. [Alekseeva T.A. What is political philosophy? Article one // *Politeia* . 2003. No. 3. P.119–157.].

3. Василенко И.А. Политическая философия: учеб. пособие. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2010. 320 с. [Vasilenko I.A. *Political philosophy*. Textbook. Revised 2nd ed. Moscow, 2010. 320 p.].

4. Капустин Б.Г. Критика политической философии: избранные эссе. М., 2010. 424 с. [Kapustin B.G. *The criticism of political philosophy: selected essays*. Moscow, 2010. 424 p.].

5. Капустин Б.Г. Тезисы о политической философии // Полис. 2010. № 2. С. 22–30. [Kapustin B.G. Theses on political philosophy // *Polis. Political Studies*. 2010. No. 2. P. 22–30.].

6. Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955. 238 с. [Ancient Greek materialists. *Collection of texts by Heraclitus, Democritus and Epicurus*. Moscow, 1955. 238 p.].

7. Сморгунов Л.В. Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация. М., 176 с. [Smorgunov L.V. *Philosophy and politics. Essays on modern political philosophy and the Russian state of affairs*. Moscow, 2007. 176 p.].

8. Федотов А.С. «Детская болезнь» российского обществоведения // Власть. 2014. № 7. С. 119–125. [Fedotov A.S. «Childhood disease» of the Russian social science // *Vlast'*. 2014. No. 7. P. 119–125].

9. Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова. М., 2005. 928 с. [*Philosophy*. Textbook for institutions of higher education. Ed. by V.V. Mironova. Moscow, 2005. 928 p.].

10. Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000. 364 с. [Strauss L. *An introduction to political philosophy*. Moscow, 2000. 364 p.].

POLITICAL PHILOSOPHY: SUBJECT FIELD AND INTERPRETATION PROBLEMS

M.Yu. Martynov

Doctor of Political Sciences, Professor,

Head of the Laboratory of Politics and Law Researches, Surgut State University,
Surgut, Russia

A.I. Gaberkorn

Postgraduate Student, Surgut State University, Surgut, Russia,

The article examines the subject field of political philosophy. It explores the relations between political philosophy and philosophy of politics. A hypothesis is formulated about the genesis of philosophical knowledge from political philosophy. The author specifies the role of philosophy in substantiating the concept of civic duty at the stage of emergence of philosophy. By the example of ancient philosophy, the author demonstrates the primacy of political issues in the origin of philosophical ontology and epistemology.

Keywords: political philosophy; philosophy of politics; political theory; political science.